ЗКП2130П 71

В. И. ЛЕНИН:

«Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму...»

«Пусть каждый рабочий проникнется сознанием, что он правит страной».

«Мы придем к победе коммунистического труда!»

ЧЕРТА ХАРАКТЕРА — ВЕРНОСТЬ ЛЕНИНСКИМ ЗАВЕТАМ

РАБОЧИЙ УЛЬЯНОВСКА

«Все наши успехи — результат самоотверженного труда рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, трудящихся всех союзных республик. В достижении этих успехов с новой силой проявилась руководящая и направляющая роль Коммунистической партии Советского Союза, ее последовательная ленинская политика». «Каждый советский человек своим трудом приближает торжество коммунизма».

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

Этот факел, зажженный от огня термической печи,— факел трудовой славы. Нелегко, наверное, нести такой факел, когда за каждым твоим шагом следят тысячи глаз, когда понимаешь, что, как там ни рассуждай, именно ты олицетворяешь в эту минуту рабочий класс. И он шел, высокий, чуть сутуловатый, а в его руке поднятое над головой голубело яркое пламя.

Об этом человеке наш рассказ.

Зовут его Виктор Арсентьевич Салатов. Рабочий Ульяновского автомобильного завода. 43 года; трудовой стаж — 30. Шлифовщик шестого разряда, Герой Социалистического Труда.

Каждое утро Виктор Арсентьевич совершает знакомый путь от дома до проходной. Тут и начинается то бесконечно разнообразное, что привычно называют работой. Сегодня на столе мастера ряды шлицевых колец. Значит, сидеть Виктору Арсентьевичу на доводке. Шлифовать и измерять, измерять. Салатов объясняет:

— Наша работа — мерительный инструмент. Главное условие — точность. Простой пример — скобы. Допуск — один микрон. Шлифуешь скобу — один размер, минуту полежит — другой, а чуть холодком дохнет — третий будет. Металл, он ведь живой. В работе под пальцами шевелится. Надо чувствовать. Иначе нельзя...

Виктор Арсентьевич говорит, как трудно настоящего инструментальщика воспитать. Годы и годы пройдут, пока дело не наладится. А завод растет. В новой пятилетке выпуск автомобилей значительно увеличится.

За полчаса до обеда Салатов ушел готовиться к собранию. Потом совещался в парткоме с членами комиссий по проверке хозяйственной деятельности администрации. Комиссиями он занимается как член партбюро. Работа эта часто оборачивается конфликтами с начальством, и здесь проявляется особенность характера Салатова: этакое вежливое, но непоколебимое упорство. Секретарь партбюро корпуса Сидоров рассказывал мне: «Если уверен в своей правоте, говорит в лицо и не старается выразиться помягче. Но обижаться невозможно. Он и себя не жалеет».

Виктор Арсентьевич вернулся в цех к концу перерыва. Сменил почерневшую от пасты тряпку и заметил:

— Придется задержаться часика на два. Вчера партгруппа, бюро райкома. Сегодня собрание. Бывают такие дни. Это,— Салатов кивнул на кольца,— тоже своего времени требует, а хвосты оставлять не могу. Неделю люблю с новой работы начинать.

Виктор Арсентьевич протер кольцо.

— О чем на собрании говорили? О ритмичности. Если участок работает неритмично, весь завод чувствует.

А потом вспомнил о другом:

— Есть у нас в области текстильный комбинат. Столовая там замечательная, в третью смену бесплатно кормят. Парикмахерская. Техникум. А все равно работницы уходят. И понятно: хочется семью создать, а мужчины наперечет. Пропорция жизни нарушена... О таком часто думаешь. Ведь как ни планируй, ни требуй, а в конечном счете все в человеке сходится. Ну, а в партийной работе первая заповедь: любое дело через человека надо видеть, по человеку мерить.

Гудок. Кончился рабочий день, рабочая неделя. И хотя ждут домашние дела, люди не спешат уходить. Много товарищей подходило к Виктору Арсентьевичу. Кто с новостью, кто за советом... Пожилая женщина развернула белый платок. В нем обручальное кольцо. Виктор Арсентьевич рассеянно взял и привычным движением, крутнув вокруг оси, замерил внутренний диаметр, назвал размер: 20,025. Женщина посмотрела с сочувствием.

— Заработался, Арсентьич! Женится мой-то! Приходи на свадьбу! Твой ведь партийный крестник...

Огромный корпус пустеет, утихает. Синева за окнами сгущается, резче, теплее проступают окна производственных корпусов, где конвейер одевает черные рамы УАЗиков, выкатывает их во двор — в большую, нелегкую автомобильную жизнь.

Шлифовщик Салатов ставит в ряд последнее кольцо.

И. ЦИБУЛЬСКИЙ

Ульяновск

На первой звуковой странице:
фрагмент речи В. И. Ленина
«О трудовой дисциплине»;
размышления
В. Салатова о роли коммуниста
в строительстве
нового общества.

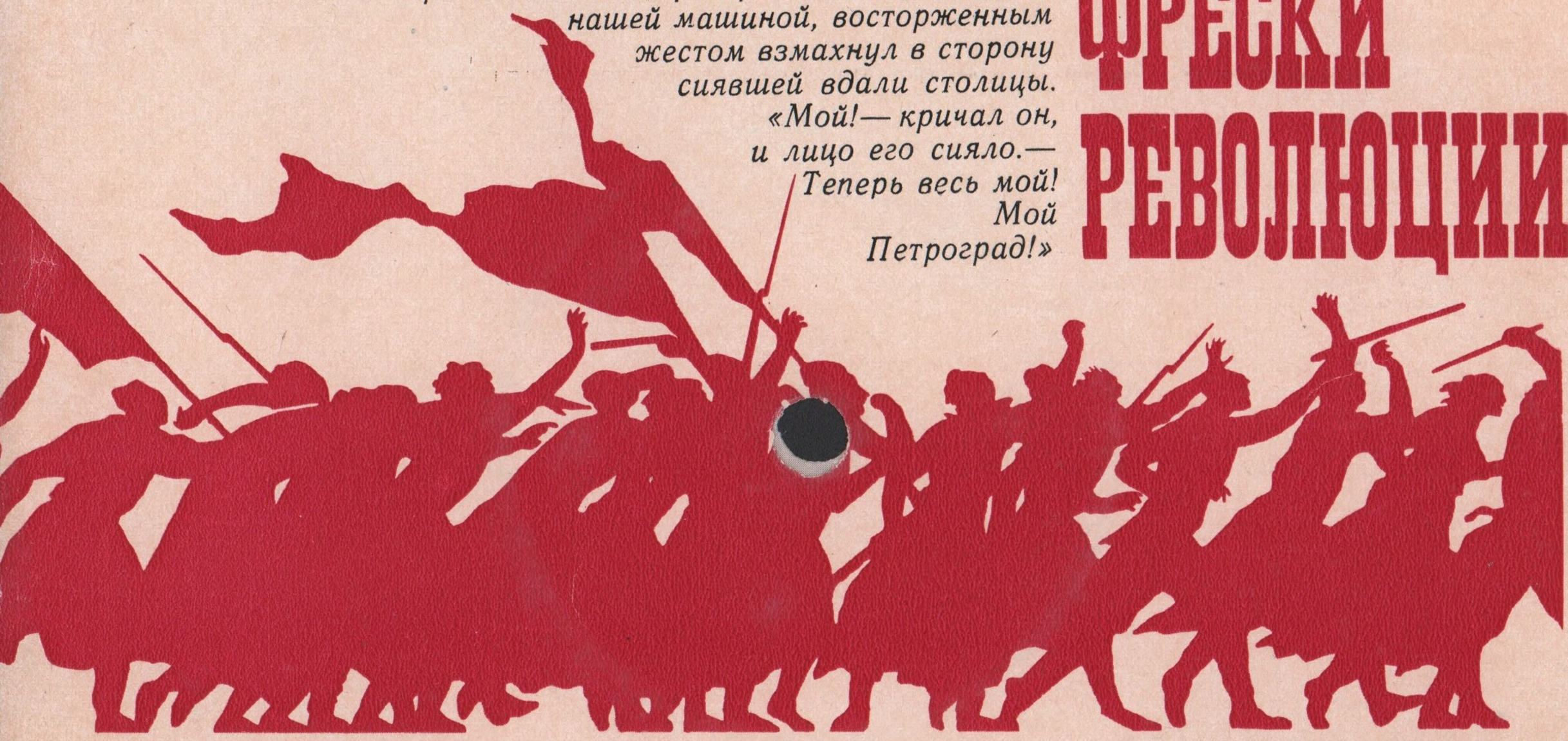
ДЖОН РИД:

«Я возвращался в Петроград, сидя вместе с шофером-рабочим в кабине грузовика, переполненного красногвардейцами... Дорога была забита пролетарской армией, возвращавшейся домой, и свежими резервами, двигавшимися на фронт, чтобы занять ее место... А на горизонте сверкали огни столицы, которая ночью выглядела гораздо более великолепной, чем днем. Казалось, что на голой равнине была рассыпана целая груда бриллиантов. Старик-рабочий, правивший нашей машиной, восторженным жестом взмахнул в сторону сиявшей вдали столицы. «Мой!— кричал он, и лицо его сияло.— Теперь весь мой! Мой Петроград!»

ПРЕМЬЕРА В ДОНЕЦКЕ: ПЛАСТИНКА-РЕЦЕНЗИЯ

7

ФРЕСКИ РЕВОЛЮЦИИ



«Слушайте, слушайте, слушайте!..» — призывно поет хор. Эта формула повторяется, наслаивается на другую музыку, переходит из одной тональности в другую: слушайте, слушайте, слушайте...

Донецк. Оперный театр. Премьера: опера М. Карминского «10 дней, которые потрясли мир» (либретто В. Дубровского). Здесь нет обычной для оперы фабулы — это как бы опера-хроника. Ленинское письмо и телеграфное сообщение, прокламация и речь на заседании — все стало музыкой.

Пролог. «Я пишу эти строки вечером 24-го... Промедление в восстании смерти подобно»,— знаменитое ленинское письмо ЦК о необходимости брать власть. День первый: «Свершилось!» День второй: «Конец войне». День третий: «Неудержимо вперед». «Над Россией бушевала телеграфная буря»,— поет хор слова Джона Рида.

Снова и снова телеграфисты передают историческое ленинское обращение «К гражданам России!»: «Временное правительство низложено».

Так, картина за картиной, перебирают патрульные, Матрос и Солдат, дни революции. В последней, 10-й картине они объявляют: «День десятый и последующие» — и называют точное число дней от 7 ноября 1917 года до сегодняшнего. Число это меняется в каждом спектакле: каждый нынешний наш день становится историей революции.

Чтобы поставить на сцене такое произведение, нужна была известная художественная смелость. Все это необычно, непривычно. Но постановщики спектакля — режиссер Е. Кушаков, дирижер И. Лацанич, художник Б. Купенко, хормейстер К. Чекармит — стали единомышленниками композитора. И вот спектакль за спектаклем идет с аншлагом, опера захватывает слушателя драматичностью музыки, яркостью зрелища, динамичностью действия.

Интересна роль хора. Постановщики поместили его на специальной сценической площадке. Когда хор вступает, действие на сцене как бы приостанавливается, артисты застывают в стоп-кадре. Получается что-то вроде монументальной картины-фрески, а хор в это время наподобие хора античной трагедии комментирует события, эмоционально обобщает их.

Звуковая страница «Кругозора» построена по тому же принципу. Это несколько музыкальных стоп-кадров из оперы. И первый: «Слушайте, слушайте, слушайте...» Слушайте революцию!

Э. ЯВОРСКИЙ

Донецк — Киев

Фото А. Лидова

ПРЕМЬЕРА В МОСКВЕ:
ПОСВЯЩАЕТСЯ АЛЬТИСТУ

ИМЕНИ БЕТХОВЕНА

Много лет назад, в 1925 году, в Малом зале Московской консерватории был устроен вечер с участием молодых музыкантов. Выступали Лев Оборин, мы, бетховенцы, и никому еще не известный юноша из Ленинграда. Это был Дмитрий Шостакович. Так состоялось знакомство квартета имени Бетховена с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем. Правда, наша многолетняя мечта о том, чтобы композитор написал что-либо для квартета, осуществилась не скоро. Лишь в 1938 году он прислал партитуру своего первого струнного квартета.

В дальнейшем Шостакович поручал все премьеры камерных произведений нашему квартету. Например, Второй квартет и фортепианное трио, созданные композитором в годы войны, прозвучали впервые в Ленинграде вскоре после снятия блокады. Население города заранее оповестили по радио, что состоится концерт. Зал был переполнен. А Дмитрий Дмитриевич даже увидел на определенных местах слушателей, которые в мирное время занимали те же кресла... Настроение и атмосферу этого концерта я могу сравнить, пожалуй, лишь с первым исполнением в Москве 7-й симфонии Шостаковича в годы войны в Колонном зале Дома союзов. Тогда оркестр был собран из музыкантов, оставшихся в столице, дирижировал Самосуд, прилетевший из Куйбышева, присутствовал и автор. Во время исполнения вышел комендант здания и объявил: «Граждане, воздушная тревога, прошу всех покинуть зал»,— но ни один человек не ушел, и симфония продолжалась... Я писал тогда, что симфония звучит с бетховенской силой. Можно сказать, что камерное творчество Шостаковича не менее значительно и любимо, чем симфоническое. Ему удалось создать свой стиль. Его сочинения в этой области каждый раз приносят много неожиданного по форме, по богатству использования инструментов. Порой он даже открывает новые сферы для каждого инструмента в отдельности и для всего квартетного ансамбля в целом. Сам он считает, и это, между прочим, объединяет его принципы с творчеством Бетховена, что некоторые его квартеты по драматургии близки к симфонии, например, Третий, Пятый, Девятый и Двенадцатый.

Однажды в телефонном разговоре я сообщил Дмитрию Дмитриевичу, что в очередном концерте будем играть его последний квартет.

— Как «последний»? — возразил Дмитрий Дмитриевич.— Когда напишу все, тогда будет последний. А это новый квартет. И будет их двадцать четыре во всех мажорных и минорных тональностях. Разве не заметно, что у меня в квартетах тональности ни разу не повторяются?

Сложилась уже определенная традиция работы композитора с нашим коллективом. Дмитрий Дмитриевич приходит с новым произведением и исполняет его на рояле. Тут же он передает нам партии, и мы вместе начинаем разучивать их от первой ноты. В этом есть для исполнителя неизъяснимая радость — как бы присутствовать при рождении всегда прекрасного сочинения... Наши творческие контакты, скоро уже полувековые, стали столь близкими, что порой, создавая ту или иную партию, Дмитрий Дмитриевич имеет в виду исполнительские особенности кого-либо из нас. Помню, вернувшись после первых послевоенных гастролей в Берлине (мы исполняли там с успехом Второй квартет), я рассказал Дмитрию Дмитриевичу, как пресса заметила, что 2-я часть — «Речитатив и романс» — как бы специально написаны для Дмитрия Цыганова. На что он мне ответил: «А я для тебя и написал».

«Квартет Бетховена по праву носит свое имя, но он также мог бы называться квартетом Шостаковича»,— написал один из пражских музыкальных критиков.

Наш квартет пережил две потери. Нет на афишах фамилии скрипача В. П. Ширинского; не может из-за болезни выступать альтист В. В. Борисовский. Казалось, квартет прекратит свое существование. Я никогда не забуду разговор с Дмитрием Дмитриевичем в ту пору:

— Все мы уйдем, каждый из нас уйдет. Но квартет имени Бетховена должен быть и через пятьдесят и через сто лет. И ваш долг — позаботиться об этом.

Уже почти семь лет с нами играет альтист Федор Дружинин и шесть — скрипач Николай Забавников...

В декабре прошлого года мы снова вышли на эстраду, чтобы впервые исполнить только что законченный квартет Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Квартет № 13...

Д. ЦЫГАНОВ,
профессор, народный артист РСФСР

Фрагменты квартета № 13 с комментариями Дмитрия Михайловича Цыганова — на восьмой звуковой странице.

Фото А. Гершмана

В КОЛЛЕКЦИЮ РЕДКИХ ЗАПИСЕЙ

МАТРИЦА №А-018

Когда я начал искать эту запись, то не мог и предположить, что у меня в руках окажется первая советская литературная пластинка. Поэт читал на ней два своих стихотворения. Но прежде чем назвать этого поэта, хотелось бы привести еще одно его стихотворение, которое Александр Блок хранил в своем архиве. Оно было напечатано почти одновременно с поэмой «Двенадцать» в той же газете с разницей в три дня. В то время как бывшие друзья Блока, возмущенные поэмой, не подавали ему руки, поэт, приславший стихотворение, восторженно приветствовал ее:

И вы, что нежностью питали
Ожесточенные сердца,
Вы под знамена наши встали,
Чтоб вместе биться до конца.

Знал ли Блок, кто автор этого стихотворения? Оно было подписано псевдонимом «Поэт пролетарий»...

Несколько лет назад псевдоним расшифровали: стихотворение принадлежит пролетарскому поэту, одному из основателей литературной группы «Кузница», Владимиру Кириллову.

От его вдовы Анны Васильевны Кирилловой я и узнал, что когда-то была выпущена пластинка со стихами Кириллова, но дома она, к сожалению, не сохранилась. Прежде всего я просмотрел список фонографических валиков известной коллекции С. И. Бернштейна. Действительно, запись голоса Кириллова там значилась, но до наших дней не дошла. Среди немногих записей голосов писателей на шоринофон, или тонфильм, которые сохранились в Центральном Государственном архиве кинофотофонодокументов, этого имени я не встретил. Не было пластинки Кириллова и в грамотеке студии грамзаписи. Не имел ее и ни один из известных мне коллекционеров. И вот, когда, казалось, искать уже было негде, я рассказал о своей неудаче работникам недавно созданного Государственного архива звукозаписей СССР. Там кроме пластинок хранятся и металлические матрицы, с которых эти пластинки печатались. Правда, как меня предупредили, на 90 процентов это матрицы музыкальных записей.

Через неделю звонок: матрица пластинки Кириллова нашлась. Но это негатив. Чтобы ее прослушать, нужно гальваническим способом сделать как бы «позитивную» копию.

Наконец, я держу диск, который можно слушать. Слушаем. Молодой, почти юношеский голос задорно и звонко восклицает:

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров...
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песнь огневая рубиновых слов.

Самые знаменитые стихи Кириллова! Еще юношей он вел революционную работу на Черноморском флоте, был арестован, и только несовершеннолетие спасло его от расстрела. В ссылке написаны первые стихи. Кириллов — активный участник февральских событий и Октябрьской революции.

Анна Васильевна познакомила меня с его заметками, которые он делал в те дни: «Серый октябрьский день. Угрюмо и низко нависли над городом свинцовые тучи. Моросит мелкий косой дождик. По Московскому шоссе, шлепая по жидкой осенней грязи, двигается отряд красногвардейцев, направляясь к Пулкову навстречу войск Керенского. Молчаливо, спокойно, без песен, музыки и алых знамен движется революционный авангард. Нет здесь ни театральности, ни бутафорского эффекта, чем так блистали дни Февральской революции, но что-то глубоко потрясающее есть в этих спокойных, сдержанных лицах, в этих полных беззаветной отваги и решимости глазах.

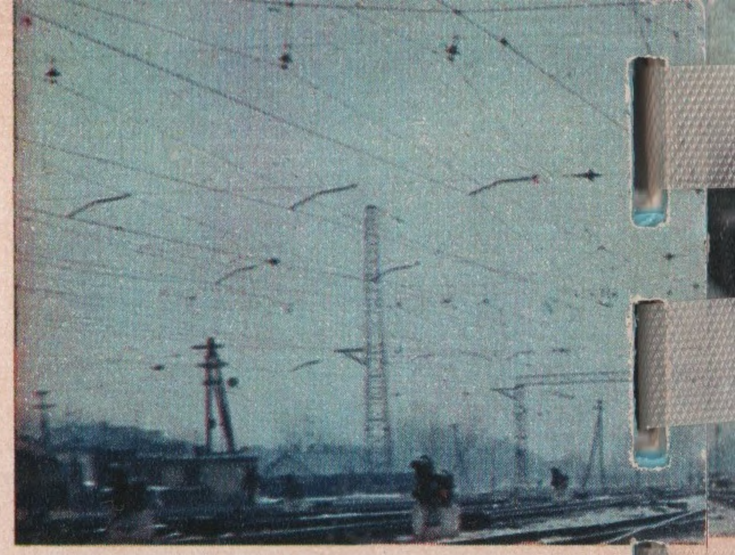
...Начинало темнеть. Издали доносилась орудийная канонада. По шоссе бешено мчались автомобили с вооруженными матросами, солдатами. И темной сплоченной массой двигался вперед отряд красногвардейцев».

Сохранилась также подробная автобиография поэта, в которой он рассказывал, как весной 1918 года читал своих «Матросов» В. В. Маяковскому. Маяковский резко критикует: «Бросьте старую форму, иначе через год не будут читать Ваших стихов. Вот «Железный мессия» — это здорово!» И он читает на свой манер строки этого стихотворения.

Позже я обратил внимание на номер матрицы записи Кириллова — А-018. Неужели это только восемнадцатая советская пластинка? Проверяю по каталогу Центропечати. Да, действительно так. Пластинка В. Кириллова выпущена весной 1919 года. Вы услышите голос поэта на 6-й звуковой странице.

Лев ШИЛОВ

Этот железнодорожный узел накрепко связал магистрали СССР, Венгрии, Чехословакии. Станция Чоп. Составы, составы. В них — горьковские автомашины, минские тракторы, ростовские комбайны, ждановский кокс, транзисторы из Прибалтики, сибирский лес, среднеазиатский хлопок... Словно сфокусированный, предстает во всем многообразии рост экономики наших республик, рост экономических связей с социалистическими странами. Международное будущее станции Чоп — в проекте Директив новой пятилетки, предусматривающих «развитие и рационализацию средств транспорта и связи для обеспечения расширяющегося обмена товарами...».



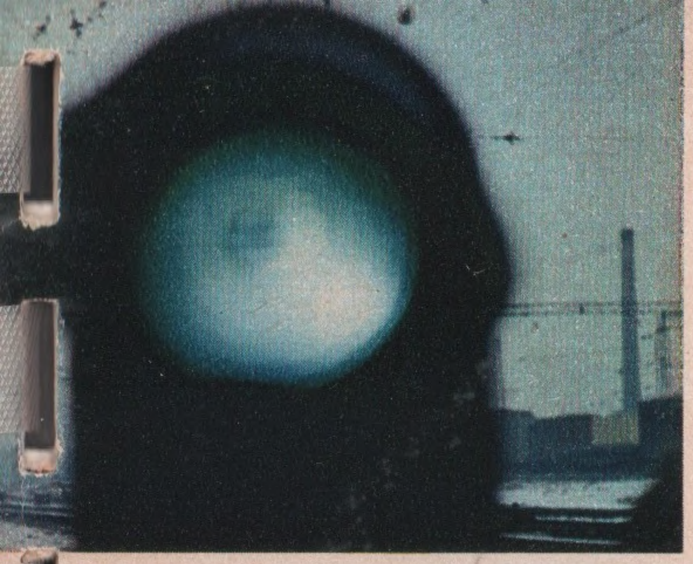
Рассказывают, как однажды, проездом, побывали здесь туристы из далекой страны. Пока под вагонами меняли тележки узкой колеи на наши, широкие, иностранцы знакомились со станцией. Вот остановился товарный состав из Венгрии; молодой светлоглазый машинист спрыгнул на землю и смутился: ему дарят цветы, поздравляют с днем рождения... Гость спросил: «Это кто?» И сделал пометку в блокноте: «Аникальчук». Прибыл с Карпатского перевала эшелон руды; подходят к машинисту коллеги-чехи, за что-то благодарят. «Кто это?» — снова поинтересовался турист. «Аникальчук»... Мощный локомотив подцепил вагоны с рудой, машинист машет из кабины электровоза: привет, мол, я в Словакию. «А это кто?» «Аникальчук»... И записал иностранец в блокноте: «Машинист по-русски — аникальчук».

Любопытный гость в этой почти анекдотической истории был недалек от истины. Братья Аникальчуки — Вениамин, Леонид и Александр — известные на Львовской дороге машинисты. Работают в одном депо, состоят в одной парторганизации. Но встретиться сразу с тремя нелегко: разные рейсы, разные смены. И когда Михаил Яковлевич хочет проведать сыновей, на это уходит немало времени. В электричке — Михаил Яковлевич ехал в Чоп — мы и познакомились. Глава семьи, старый коммунист, почетный железнодорожник, размышлял вслух: «Вроде недавно жили все вместе в Ужгороде, на Орлиной улице, да вот незаметно дети подросли, обзавелись семьями. Жены — тоже на транспорте. Один меньшой, Валентин, с родителями. Работает электриком, учится в институте. А так, если строго посчитать, более тридцати Аникальчуков связали свою жизнь с железной дорогой. Водили «овечек», «феды»...»

Старший из братьев, Вениамин, начинал как паровозный машинист, потом пересел на тепловоз, а чуть позже, когда на магистрали Чоп — Москва

5

Не только железнодорожные пути трех стран сошлись на этой пограничной станции, но и людские судьбы. Репортаж «Вас вызывает Чоп» слушайте на пятой звуковой странице.



УзЕЛ

На фото Л. Лазарева

«На здании вокзала,— говорит начальник станции Петр Козак,— написано: «Чоп — железнодорожный узел, западные ворота Родины, ворота мира и дружбы. Здесь работают украинцы, русские, словаки, венгры...»

Машинист Петр Пацкан: «Новый наш тепловоз нравится соседям».

Венгерский кондуктор Йожеф Кертес пятнадцатый год на магистрали дружбы.

«Я Грич Штефан. Вожу пассажирские поезда Прага — Москва. И грузовые тоже...»

завершилась электрификация последнего участка, стал водить электровозы.

Леонид не раз водил составы с криворожской рудой и донбасским углем в Восточную Словакию. От новой станции Ужгород-2, на которой работают наши и чехословацкие железнодорожники. Эта станция — новостройка пятилетки. Она вместе со всей магистралью решает задачи увеличения товарооборота между СССР и другими социалистическими странами.

В Чопе я узнал, что за минувшую пятилетку (она завершена здесь 17 октября прошлого года) вес поездов увеличился вдвое, возросла их скорость. Помогла механизация, автоматизация...

Но что же третий Аникальчук?.. Голос молодого машиниста впервые прозвучал в диспетчерской радиоперекличке год назад. Отец считает, что Саша самый трудолюбивый — ни минуты без дела. Как в поговорке: глаза увидят — руки сделают. Когда женился Леонид, Саша подарил молодым мебель собственного изготовления.

Трудно водить в Карпатах тяжеловесные поезда. Подлинное мастерство требуется от машиниста. Старшие братья предложили соревноваться за бережливость в каждом рейсе по сложным серпантинам Карпат. Сами строго держали слово... Как-то особенно долго ожидали домашние Вениамина из рейса, волновались. А он, оказывается, подсел к молодому сменщику и с ним провел поезд через перевал: смотри, дорогой друг, из чего экономия в рейсе складывается...

Почин братьев распространился по всей Львовской дороге...

Выходит, не ошибся иностранный турист. Если бы он поближе познакомился с братьями, то уточнил бы: Аникальчук означает — отличный машинист.

Валентин МАНИОН,
специальный корреспондент «Кругозора»

Чоп — Ужгород-2. УССР.

ЗВУКОВОЕ ПИСЬМО ИЗ СЕЛА

Валентину Ивановичу Тихомирову 37 лет. Шесть из них он председательствует в колхозе «Рассвет».
— По образованию Валентин Иванович — механик, в душе — педагог, по любви к земле — истинный хлебороб,— сказал мне секретарь Галичского райкома партии Василий Иванович Либеров, посоветовав ехать в «Рассвет».
Хозяйство это перспективное, несмотря на то что расположено в одном из «глухих уголков» Костромской области — в тридцати километрах от Галича. Зимой в снежные заносы, весной в половодье, летом, если оно дождливое, осенью, когда начинается распутица, тридцать километров до «Рассвета» оборачиваются многочасовым путем. Но зато в «Рассвете» с первой же минуты я оказался в атмосфере дружелюбия, взаимного доверия и уважения.
Самое сильное притяжение — притяжение людское. И поэтому я нисколько не удивился, узнав, что молодежь охотно остается здесь, в «Рассвете».
Значительная доля будущего зависит не только от хозяйственного таланта руководителя, но и от его человеческих качеств. В этом убеждают и записи Валентина Ивановича Тихомирова, которые он передал «Кругозору».

Роман ХАРИТОНОВ,
корреспондент
журнала «Сельская молодежь»

2

«У нас в «Рассвете».
Рассказывает зоотехник Татьяна Румянцева.
Слушайте вторую звуковую страницу.

Фото М. Зайцева

страницы из середины тетради

В. ТИХОМИРОВ, председатель колхоза «Рассвет».

Три года подряд дожди. Слякоть. Старики говорят распогодится. Их бы устами да мед пить.

Надо попросить Таню Румянцеву, чтоб на днях собрала ребят для разговора.

Люди ценят откровенность. А только человек, откровенный сам с собой, может быть откровенен с людьми. А что скрывать? Бывает тяжело? Бывает. Планируешь одно, а погода, смотришь, сюрприз преподносит. В прошлом году посевную чуть ли не на полторы недели затянули. В районе нервничают. Я нервничаю. Из десяти дней, что на плохую погоду списаны, три на настроение вполне отнести можно. По-настоящему работа под хорошее настроение идет. А кто должен это настроение поддерживать?.. Не ты ли, председатель, коммунист?

К Леониду чуть строгости прибавишь — обидится, бросит все, уйдет. Зато скажешь ему: «Выручай, больше некому»,— спать не будет, а дело сделает. За сутки к свинарнику воду подвел. Я думал, с этой работой в неделю не справиться. Заскочил к нему, а он еще отоспаться не успел. Увидел меня, глянул на часы, а там двадцать минут одиннадцатого. Ну и подумал, наверное: председатель сейчас ругать будет. Поспешил парень. У меня такого и на уме-то не было. Сказал ему: так и так, Леонид, услышал сегодня на ферме, как тебя наши бабы хвалили, и, признаюсь, позавидовал. Бабы зря хвалить не будут. Вот если бы еще и с бригадиром по мелочам не задирался, так и на доску почета фотографию вывесить можно...

Конечно, на некоторых похвала в обратном направлении действует. Похвалишь человека, а он после не на работу рвется, а на курорт ехать хочет или сидеть и ждать, когда орден пришлют. И с этим тоже считаться надо. Построже с такими. Но не кричать, не унижать. Унижение еще никого не сделало лучше.

Что у нас в колхозе особого? Ничего. А остаются ребята в колхозе? Остаются. А ведь бывает, что уходят. Да потому, что страх у ребят перед колхозом вчерашний — не их даже, а по слухам унаследованный. Оплату труда простым перерасчетом повысить можно. С психологией повозиться надо. Прошлый год в этом смысле удачным оказался. Восемь парней после армии пришли. Хорошо? Хорошо! Кругом слышишь: прививайте молодежи любовь к земле! А как прививать? Человек не дерево фруктовое. Наверное, так: уважай работу, которую доверил человеку,— и он сам и уважать ее и ценить начнет...

Бывает, что мы в спешке не замечаем, как обижаем людей. А потом корим: ответственности не чувствуете.

Вчера, например, встретил Румянцеву.

— Отчего, Татьяна Владимировна, такая пасмурная? — спрашиваю.

А она чуть не плачет:

— Уходить от вас собираюсь.

Как так? Ничего не понимаю. Как это может колхоз без главного зоотехника остаться? Комсомольцы опять же ее комсомольским вожаком выбрали. И ко всему дом ей строить заканчиваем. К новоселью готовиться надо, а она — уезжать! Спрашиваю: кто обидел? Оказывается, я обидчик и есть.

Утром действительно на ферме был и действительно приказал всех оставшихся коров на пастбище выгнать. А Татьяна Владимировна за два часа до того приказала этих коров в станках день подержать. Какое мнение о ней после моего наскока у людей остаться может?.. Сколько раз убеждался, что, чем больше свободы специалисту дашь, тем больше свободы получишь сам...

Грамотные ребята нужны. С грамотными работать легче. Ходят разговоры, что, мол, молодежь из-за шибкой грамотности из села уходит. Неправильно это. Молодежь чаще уходит из села не из-за своей большой грамотности, а из-за малой грамотности людей, над ними поставленных. Сколько еще бригадиров, которые как следует инструкцию по технике безопасности прочесть не могут! Говорят: Иван Иванович двадцать лет проработал, у него грамотность хромает, зато опыта хоть отбавляй. Но мне кажется, именно потому, что у бригадира Ивана Ивановича много опыта, пусть не жадничает. Опыт молодому передает. Когда ж опыта набираться, как не с восемнадцати лет?

Молодежь инициативна. Как у нас главный механик работает, главный зоотехник, бригадир первой бригады! А ведь всем троим всего шестьдесят лет и наберется. Смотрит на эту троицу наша молодежь и спокойна. Перспектива есть.

Вместе с культурой в человеке и чувство долга развивается и самосознание выше становится. У начитанного человека сколько примеров перед глазами. Не зря же хорошие и мудрые книги ребята читают. Даже удивился, когда в их библиотечные формуляры заглянул — узнать, чем интересуются Жернаков, Соколов, Солнцев Борис. Да они чуть ли не все книги в библиотеке прочли.

Может быть, оттого как раз и урожаи поднялись, что люди сами выросли? Одно твердо знаю: с человеком, который только и умеет через губу плевать, большой прибавки в урожае не получишь. Хочешь хороший хлеб растить — себя хорошим вырасти. А председателя, руководителя это в первую голову касается.

Вот ведь посмотришь иногда на нашего брата, небритого, помятого, и думаешь: «До чего намаялся человек, да ему не то что читать, ему умыться некогда». А потому это, что организовать свой труд не умеет. Многое еще с той поры идет, когда на хорошем счету был тот председатель, который от зари до зари работал. А как работал — вопрос десятый. Сейчас другая обстановка.

Как-то выписал, что́ люди ценят в председателе: справедливость, принципиальность, энергичность, знание дела, любознательность, требовательность, чувство нового, наличие своего мнения, гибкость, инициативу, способность к анализу, сообразительность, скромность, общительность, сдержанность, точность. Шестнадцать качеств получилось. И всеми ими и вправду обладать надо... Да только ли ими?

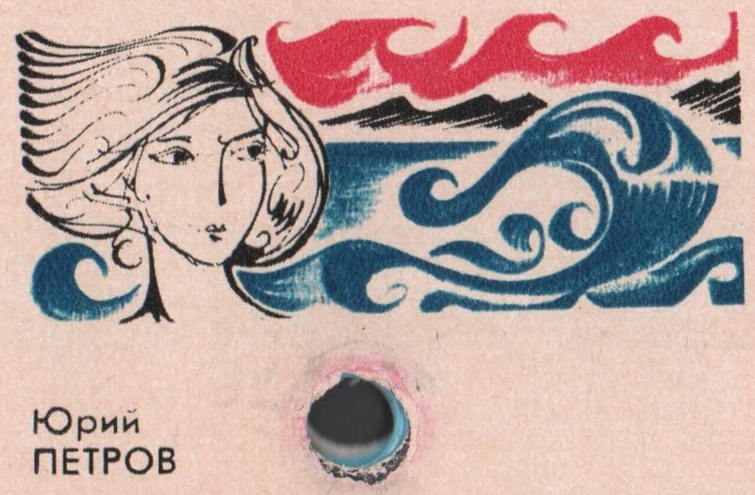
Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

БАЛЛАДА ОБ ОРЛЕ

Мне рассказал об этом
Большевик,
Которого деникинцы пытали.
Почти семь суток
В каменном подвале
Ему заснуть не дали
Ни на миг!
Водою жгучей,
Сталью
И огнем
Терзали тело —
Чтобы мысль не меркла.
Не он при смерти,
Смерть была при нем,
Как фурия,
Возникшая из пекла.
Когда вплотную придвигалась
Мгла,
Чтоб совладать
С ожесточенной болью,
Он вспоминал о том,
Как у орла́
Ойрат-охотник отнимает волю.
Он не дает ни пить ему,
Ни спать,
Пока орел не рухнет,
Обессиля...
И птица начинает забывать,
Что для свободы
Ей даются крылья.
Охотнику садится на плечо.
Когтит добычу по его веленью.
А чтоб простор
Был недоступен зренью,
Есть шоры —
Хитроумный колпачок...
Мне рассказал об этом
Большевик,
Которого деникинцы пытали.
Почти семь суток
В каменном подвале
Ему заснуть не дали
Ни на миг!
Его могли распять,
Четвертовать,
Но волю,
Волю не смогли б отнять.
Он — ЧЕЛОВЕК.
И он сильней орла,
Безвольно опустившего
Крыла...

ВЫСОКИЙ БЕРЕГ

Если я заболею тоской,
Равнодушьем ли вдруг
Занедужу,
На раздолье стихии морской
Отпусти мою вольную душу!
Если ж грозный
Мне встретится вал,
Я услышу спасительный пеленг.
У меня есть на свете
Урал,
Мой высокий
Приветливый берег.
Будет сниться он мне наяву,
Пока сердце в груди
Не умолкло...
...Если я до него доплыву,
Значит, жить мне
Счастливо и долго!



Юрий ПЕТРОВ

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Нет, не скверно, я скажу — отлично
с верною блокадною привычкой:
хлеба есть ломоть — уже и сыт,
спать спокойно, если все гремит,
мина прошуршала, миновала,
и осколки мимо — «шить-ши-ить...»,
пуля просвистела, не попала —
все в порядке, значит, можно жить,
полчаса найти для дружбы с книжкой,
для строфы минутку оторвать,
а придет от матери письмишко —
в блиндаже у плошки прочитать.
Есть от счастья у меня отмычка —
старая солдатская привычка:
чтоб невзгоды лучше перенесть,
дорожи и тем, что есть...
Так и жили и живем... Однако,
чтоб счастливым по-солдатски быть,
надо встать
и броситься в атаку —
победить!

Рисунки П. Целединского

К 100-ЛЕТИЮ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

18 марта 1871 года правительство Тьера, готовившее сговор с прусскими армиями у стен Парижа и озабоченное одним — борьбой с парижанами, пошло на провокацию: попыталось силой отобрать пушки у Национальной гвардии, состоявшей из граждан-добровольцев. В ответ на провокацию народ взял власть в свои руки. Так в Париже было создано первое рабочее правительство. Оно просуществовало недолго, но успело зажечь огонь, возвестивший начало нового мира.
Сегодня некоторые хотят видеть в Парижской коммуне лишь героизм коммунаров, противостоявших тьеровским солдатам, которые, захватив столицу, совершали зверские убийства. Если бы Коммуна ограничилась кровавыми уличными боями, отметившими ее поражение, она вошла бы в историю как героическое восстание, а не как опыт первого рабочего правительства. Те, кто о студенческом движении 1968 года во Франции говорит, что это «студенческая коммуна», на самом деле пытаются отвлечь внимание рабочего класса от подлинных уроков Коммуны. Они делают упор только на героическом аспекте Парижской коммуны и тем самым заведомо ложно проводят параллели между своими акциями и действиями коммунаров.
Как подчеркивал В. И. Ленин, «Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции».

ОГОНЬ КОММУНЫ

Жак ДЮКЛО,
член Политбюро Французской коммунистической партии

Плакат, выпущенный в первые годы Советской власти.
Париж. Митинг на заводе «Рено».

Действия Коммуны показали, что власть, рожденная 18 марта, осуществляла задачи буржуазно-демократической революции. Но такие меры, как отмена платы за квартиру, отсрочка платежей, закрытие ломбардов и частных бирж труда, уничтожение ночной работы, выборность чиновников, отражали озабоченность Коммуны социальными проблемами и продемонстрировали способность решить их. Коммуна старалась разбить государственную власть буржуазии с ее многочисленными органами подавления — постоянной армией, которую она заменила народным ополчением; полицией, состоявшей на службе у имущих классов, которую она попыталась сократить и упростить; церковью — инструментом духовного порабощения, которую она отделила от государства; «независимыми» на словах, а на деле душой и телом преданными капиталу судьями, которых она заменила выборными юридическими институтами, ответственными перед народом.

Все это выражало твердое стремление к переменам. В первых рядах на исторической сцене оказался новый общественный класс, взявший на себя заботу о судьбах столицы Франции. Несмотря на героическое сопротивление, Коммуна была потоплена в крови после 72-дневного существования. Разумеется, в начинании столь широкого плана, трудном и подававшем большие надежды, рядом с полосами света лежат тени, но в данном случае важен лишь главный итог.

Классический урок Парижской коммуны в первую очередь — это вывод о необходимости партии, которая вдохновлялась бы принципами марксизма-ленинизма, партии, которая вооружила бы учением Маркса, Энгельса, Ленина рабочий класс, широкие народные массы. Только пришедшие в движение массы, воодушевленные революционной теорией борьбы, а не действия маленьких групп могут открыть путь к социализму.

Под водительством В. И. Ленина Октябрьская социалистическая революция 1917-го открыла новую эру в истории человечества. Парижские коммунары были отомщены. Новый мир, провозвестницей которого была Парижская коммуна, уверенно смотрит в будущее. Благодаря усилиям сотен миллионов благородные, человечные мечты о братстве, осенявшие битвы и смерть героев Парижской коммуны, стали теперь реальностью на значительной части земли; они неизбежно станут реальностью и во всем мире. Поэтому, празднуя столетие Парижской коммуны и размышляя о том, к чему пришли сейчас последыши версальцев и чего достигли наследники коммунаров, можно вместе с создателем «Интернационала» Эженом Потье сказать: «Коммуна не убита».

Париж. (Принято по телетайпу.)

Я рано узнал прелесть песни. Мне пела мама.

Шумом полны бульвары,
Ходят, смеются пары...—

звучало по утрам в залитой солнцем комнате. Мама вытирала пыль с вещей, отдавая солнцу их лакированные глади. А я был во власти бульваров, полных светлой радости, шумящих молодыми голосами и весенней листвой.

И может все случиться!..

Я не знал, пела ли мама еще, я просто ничего больше не слышал. Сердце обмирало и замыкалось в своей тайне: что-то случится в моей жизни, непременно случится, грозное, счастливое, до стыда сладкое, о чем я и думать не смел.

И все же мамино пение не шло в сравнение с пением «родни» — так называла многочисленный клан своих родственников молодая женщина Катя, соседка по квартире. Катя работала надомницей, она делала матерчатые и бумажные цветы. Когда я был совсем маленьким, Катя присматривала за мной во время маминого отсутствия, позже она всегда приглашала меня на свои домашние праздники. У Кати было шесть женатых братьев и три замужние сестры, все как на подбор рослые, крепкие, громкие люди, с размашистыми движе-

Юрий НАГИБИН

Рассказ

ПЕСНИ

ниями, рождавшими ветер. Профессии и у братьев и у деверей были мужественные: четверо братьев работали пожарниками, один милиционером и один сторожем в зоопарке; муж старшей сестры был шофером, средней — мясником, младшей — водолазом. Худенькую, юную незамужнюю Катю они жалели, уважали и называли «художницей».

Петь «родня» начинала не сразу. Поначалу долго сидели за столом, загроможденным страшноватой в своей близости к изначальному естеству снедью. В нашей семье пища была предельно удалена от своего живого прообраза: угадай-ка в соленых кусочках, тщательно упрятанных под сметанным соусом с зеленым луком, сельдь или загубленных для холодца поросят в студенистой массе с кружочками огурцов, яиц и зубчатками моркови. А тут селедка покоилась на блюде всем своим открытым мертвым телом, с перламутровой, красноглазой головой и задранным хвостом; поросячьи ножки с раздвоенными копытцами торчали из бледного желе, а на масле жареной телячьей ноги рыжели волосы. Эти блюда стояли вперемежку с горами пунцового винегрета, квашеной, сильно пахнущей подсолнечным маслом капусты, солеными огурцами и многочисленными бутылками водки и вина. Вся эта снедь, как и расположившиеся вокруг нее люди, обладала яркой, терпкой живописностью.

Надо было опустошить тесно уставленный стол, утыкать блюда окурками — особенно доставалось селедке, получавшей окурок в полуоткрытый жалобный рот; надо было опорожнить все бутылки с красным и белым вином, чтобы Катя вразрез нестройному шуму завела:

В маленькой светелке
Огонек горит...

Шум сразу стихал, и в Катином голосе исчезали визгливые ноты, он становился тих и мелодичен:

Молодая пряха
У окна сиди-и-и-ит!..

Блаженство входило в мою грудь. Я словно знал в своем предбытии маленькую светелку, озаренную красноватым, чадящим пламенем масляного светильника, видел склоненную над пряжей русую голову с косами короной, слышал даже, как тепло, скромно и нежно пахнут эти девичьи косы. И как же любил я пряху, как жалел ее одиночество, ее беспомощность в огромном, черном, ночном мире, обступившем светелку с бедным, слабым огоньком! Странно, но строка следующего куплета: «Вот она ласкает старого вдовца» — не доходила до меня. И не потому, что я был так наивен, а просто я чувством не поспевал за ней. Я был еще во власти печального одиночества пряхи, когда появлялся этот вдовец. Но затем вдовец воплощался в заслуженного генерала, и я принимал его как надежду, как спасение бедной пряхи, да разве мог я его не принять, когда сам был этим храбрым, щедрым, великолепным генералом! В горле вскипали умиленные слезы, и, боясь расплакаться, я с нетерпением ждал того, что должно было непременно последовать в конце песни. Едва Катя нежно и чуть лукаво допевала последнюю строку о возможном счастье пряхи с генералом, как Фотий Иванович, муж старшей сестры, страшно кривя худое, усталое лицо, шутовским басом выкрикивал:

И из пряхи выйдет
Хучь куды мадам!..

Я сознавал, что это пошлость, портящая песню, но был благодарен Фотию Ивановичу за разрядку, ведь она уберегала меня от слезного распада, давала силу слушать новую песню. А это была отчаянная, страстная, гибельная песня:

Окрасился месяц багрянцем,
Я волны морские видал.
Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал...

Новая песня исполнялась иначе, чем первая. Ту пела одна Катя, а хор подтягивал припев, здесь же Катя лишь заводила. Мужские голоса порой властно забирали ее себе, затем те и другие сливались воедино. Почему «родня», никогда не видавшая моря, с такой силой тоски пела о волнах, о парусах, отданных ветру, о гибельной пучине? Тогда я не задумывался над этим, моя душа под белыми парусами сама неслась в гибель.

А потом начиналось страшное. И хотя я знал, что это страшное неизбежно придет, оно всякий раз поражало

меня своей нежданностью, ибо рождалось в еще не замолкшей ноте предыдущей песни. Замирая, тянулся высокий, долгий прощальный звук, хор расставался с погибшими в волнах любовниками, а уже где-то в конце стола дробно, резко выбивалось:

Сергей поп, Сергей поп,
Сергей дьякон и дьячок,
Пономарь Сергеевич
И звонарь Сергеевич!..

Тут хор не выдерживал, обрывал прощальную ноту, так и не доведя ее до последней, искупающей печали, и с ходу вразнобой взревывал:

Вся деревня Сергеевна
И Матрена Сергеевна
Разгова-а-аривают!..

Чем так поражала меня эта песня? Она рождалась из чего-то неведомого мне, в какой-то угрюмой давности, где эти знакомые и милые люди были совсем иными, во власти темной, неизбывной беды. Недаром эта песня не требовала ни лада, ни стройности, каждый голосил что было мочи, не заботясь об остальных. Но раскрепощенные, высокие и низкие, визгливые и густые голоса обретали странное единство в том разрушительно-могучем чувстве, какое владело певцами. Глаза их стекленели, пот орошал щеки и лоб, простые добрые люди становились грозными. Куплет повторялся без счета, с каждым разом все более яростный.

Но вот рассыпалось заключительное: «Разгова-а-аривают!» Все? Нет! Навалившись грудью на стол и топорща усы, Фотий Иванович снова рубит:

Сергей поп, Сергей поп...

Но ему не владеть песней.

Сергей дьякон и дьячок, —

бледнея смуглым цыганским лицом, с бешенством кричит младший брат Павел.

Пономарь Сергеевич
И звонарь Сергеевич, —

визгливо покрывают женские голоса.

Вся деревня Сергеевна, —

рычат пожарники, им сейчас не попадайся под руку.

И Матрена Сергеевна, —

всхлипывает захмелевшая Катя.

Разгова-а-аривают! —

грохочет хор, и это уже как конец света.

И всякий раз, когда изнемогшие голоса бросали песню, Катя подхватывала меня и, говоря какие-то нежные, жалостливые слова, отводила домой. А потом я медленно, сладко-тревожно засыпал в своей комнате, глядевшей окнами на купола и кресты старинной церкви. Над самым высоким крестом висел месяц, а близ него сверкала крупная, яркая звезда.

Мерцающее зеленоватое небо подчеркивало глухую, таинственную черноту куполов. Я думал о жизни, ожидающей меня, об этом мире за окнами, который так велик и полон, как паруса и волны, где чье-то одинокое сердце когда-нибудь найдет мое сердце, где шалый и двусмысленный Сергей поп тоже для чего-то нужен.

Рисунок А. Брусиловского

СТАЛЬНОЙ ГЕРКУЛЕС

Ковш гигантского экскаватора, зажав в челюстях кусок скалы, повис над кузовом. Каменная глыба была так велика, что, казалось, падая, она сокрушит, раздавит, расплющит и этот грузовик, и людей с фотоаппаратами, и даже прорабскую будку, стоящую в некотором отдалении.

Экскаваторщик чуть тронул стрелу, поправил, прицелился, и скала ухнула в гулкий металлический кузов. Самосвал дрогнул, осел амортизаторами, как конь под богатырским седоком, выпрямился. Лишь защитный козырек, протянутый от кузова над кабиной, слегка вибрировал, словно был не из котельной стали, а из жести.

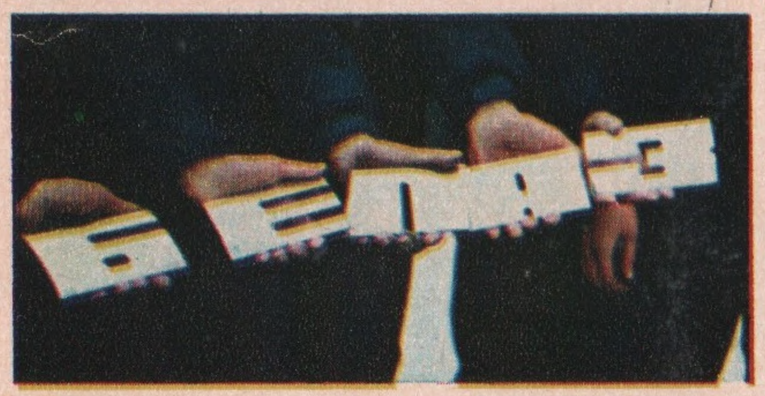
Испытание нового БЕЛАЗа началось. Да, БЕЛАЗы! Слоны. Бронтозавры.

В городах их почти не увидишь. А если который и забредет случайно, то какими же сусликами кажутся снующие рядом городские автомобили...

Я слышал, как гудит шоссе под колонной БЕЛАЗов.

Такой сильный гул мне доводилось слыхать раньше только в Беловежской пуще — тогда мимо пробегали чем-то встревоженные зубры.

Кстати, именно БЕЛАЗу более приличествовала бы эмблема «Зубр», нежели МАЗу. Собственно, БЕЛАЗ — детище Минского автозавода. Именно отсюда-то и отпочковалась десяток лет назад жодинская новостройка, отсюда поехали первые строители, или будавники, как называют их в Белоруссии.



КРУГОЗОР — БЕЛАЗу

«Освоить производство автомобилей грузоподъемностью в 65 тонн и выше»,— было записано в пятилетнем плане, утвержденном XXIII съездом партии.

«Организовать производство автосамосвалов и самосвальных автопоездов грузоподъемностью до 120 тонн...» — записано в проекте Директив новой пятилетки.

Такие машины с маркой БЕЛАЗа уже появились на дорогах страны. БЕЛАЗ — это и завод и марка машины. БЕЛАЗом гордятся рабочие завода и шоферы. Рабочие Белорусского автозавода попросили «Кругозор» создать песню о БЕЛАЗах. Заказ выполнен. Слушайте третью звуковую страницу.

Именно будавники — люди, созидающие будущее.

Я как-то поинтересовался: почему для новых большегрузных автомобилей стали строить новый завод?

Почему не начали выпускать их на МАЗе?

Минские автозаводцы отшучивались: для таких громадин места на дворе готовой продукции не хватило бы.

Сейчас трудно сказать, кто сделал больше для создания БЕЛАЗа — рядовой конструктор Ваня Табальчук, еще в минском СКБ проектировавший детали будущего колосса, или знаменитый каменщик Иванович, начинавший жодинскую стройку. Плоды их труда переданы в руки шоферов, крутящих огромные баранки на бесчисленных трассах, которые ведут к новостройкам страны.

Столичный житель, любимец Ордынки, гитарист и балагур Саня Ямщиков ехал со мной в поезде на Север. Шоферит в Заполярье на БЕЛАЗе. Из отпуска.

— Что ж,— говорю,— Саня, в Москве-то не остался? Шоферов и там не хватает.

— А куда,— отвечает,— я в Москве свою Белуху дену?

— Ну,— говорю,— на «Чайку» перейдешь.

Он в ответ улыбается, зубы показывает. А потом как рванет на гитаре:

Эх, только б знала ты,
родная мамочка,
Какой баранкою вертит сынок:
Мы под Игаркою
спугнули мамонта,
Он бивни выкинул и наутек!

Степан Федорович Таланин, степенный мужик, перепробовавший до БЕЛАЗа все марки грузовиков, говорит, что большие машины на философский лад человека настраивают:

— Возьмешь руль, и кажется: всю планету повернуть можно.

...А в непробиваемые кузова БЕЛАЗов по-прежнему ухают каменные глыбы. Скрипят бесчисленными осями автопоезда, прицепленные к БЕЛАЗу. И гудит под колесами земля, породившая стальных геркулесов нашего века.

Лев ЩЕГЛОВ

г. Жодино, БССР.

Город как на ладони.

Рождение гиганта начинается в конструкторском бюро.

Вездесущие мальчишки гроздьями виснут на новенькой машине.

Фото Л. Лазарева

Я рад сообщить, что наш Кабачок вновь открывает свои двери, да еще в такой исключительный день — 8 Марта.

К открытию тщательно готовились. Посылались запросы в самые певучие места, пришли отклики, полные любви и благозвучия. Да и не могло быть иначе! Действительно, кроме шуток, этот день хочется сделать таким, чтобы женщины долго его помнили. Ну если не все 364 дня до следующего Восьмого марта, то хоть 182. А оставшуюся половину пребывали бы в радостном предвосхищении. Вот как хотелось бы. Для этого мы призвали самых знаменитых мужчин петь самые проникновенные

песни самыми искренними голосами. Расстояния нас нимало не смущали: Баку, Кишинев, Тбилиси, Минск... Со всех сторон летели к нам слова, исполненные неподдельного чувства. И вот теперь они в трепетном ожидании улеглись в бороздки девятой и десятой звуковых страниц.

Примите от всей души, дорогие женщины!

И еще примите уверения в постоянной любви к вам и. о. директора Кабачка 33 1/2 оборота

Зиновия Гердта.

На фото: М. Магомаев, ансамбль «Орэра», В. Вуячич.

Кругозор

3 (84) март 1971
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице обложки: «Этапы большого пути». Из серии плакатов Л. Непомнящего и В. Чумакова.

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва И-427, ул. академика Королева, 12.

Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.

Сдано в набор 2/II 1971 г.
Б 05540. Подп. к печ. 17/II 1971 г. Формат бумаги 60 × 84 1/12.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 328.
Цена 1 руб.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

слушайте в номере

1. «Разговор с товарищем Лениным». Ульяновский рабочий В. А. Салатов слушает речь В. И. Ленина «О трудовой дисциплине».
2. В «Рассвете» под Галичем. Семь лет из жизни комсомольского вожака и колхозного зоотехника Тани Румянцевой.
3. «Кругозор» — БЕЛАЗу. Песни В. Шаинского на стихи Л. Щеглова: «Стальные геркулесы», «Песня водителя». Исполнитель — Л. Лещенко.
4. Вечное эхо Коммуны. В репортаж включены «Интернационал», голоса парижских улиц, песни «Убирайтесь, ваше величество», «Время вишен». Звуковую страницу подготовил А. Гальперин.
5. «Вас вызывает Чоп». Звуковой портрет станции.
6. В коллекцию редких записей. Оттиск с матрицы А-018: стихи поэта Владимира Кириллова.
7. «Слушайте, слушайте, слушайте!» Сцены из оперы М. Карминского «10 дней, которые потрясли мир». Запись произведена в Донецком оперном театре.
8. После премьеры. Фрагменты квартета Д. Шостаковича № 13. Исполняет квартет имени Бетховена. Комментирует Д. Цыганов.
9—10. Кабачок 33 1/2 оборота. Звуковое поздравление к 8 Марта. Поют М. Магомаев, М. Кубелюте, В. Вуячич, Е. Бэлцану, ансамбль «Орэра». Ведущий — Зиновий Гердт.
11. Скоро премьера. В. Чабукиани репетирует «Гамлета».
12. Эстрада планеты. Болгарская певица Лили Иванова: «Баянские мастера», «Сердце», «Нежность».

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи

Философия жеста

ПРЕМЬЕРА В ТБИЛИСИ: ФОНОГРАММА РЕПЕТИЦИИ.

II

Т. ВИНОКУРОВА

ВАХТАНГ ЧАБУКИАНИ: «Отелло и Гамлет — вот величайшие шекспировские образы, которыми я одержим всю жизнь. В них для меня все средоточие Шекспира... В обоих случаях трагедия героев, их внутренняя драма, метание их душ говорят не об их слабости и, так сказать, «гамлетизме», а об их высокой человечности, ибо они рождены не для того, чтобы ненавидеть, карать и мстить, а любить, верить, радоваться и творить добро. Вот что я хотел воплотить в спектакле «Отелло» и в образе Отелло, вот что меня породнило с «Гамлетом».

Фото А. Лидова

И вот спустя годы он снова вернулся к Шекспиру... ...Судьба Вахтанга Чабукиани, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии, не столь уж проста. Этот человек, о котором говорят, что он отнял у балета привилегию быть царством женщины, сделав балетный театр также и театром танцовщика, сам исполнивший свыше сорока партий, мог вообще оказаться вне хореографического искусства. Обстоятельства сложились так, что по-настоящему он начал учиться уже будучи юношей. Правила же требуют занятий с детства.

Дебютировал Чабукиани в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова. И его сценическая карьера началась очень удачно. Выдающийся танцовщик — его прыжок называли «полетом орла»,— Чабукиани очень быстро заявил о себе и как талантливый балетмейстер. Он ставит «Сердце гор», «Лауренсию» и в этих балетах разрабатывает новые для своего жанра темы — мужества, борьбы, героики. Это и есть тот путь, который потом приведет его к Отелло. Не такой уж короткий путь, но кажется он еще более долгим, чем есть на самом деле: яркая жизнь проходит на глазах у людей, сколько событий в ней — хватило бы на несколько жизней, сколько громких имен рядом... «Достойной партнершей В. Чабукиани явилась молодая балерина заслуженная артистка РСФСР Майя Плисецкая» — так писали в рецензии на «Дон-Кихота» в Большом театре. Чабукиани тогда — сорок три года. Пройдет еще несколько лет, и он покажет «Отелло» — свою лучшую работу.

Как будет неистовствовать зал на этих спектаклях! Причина такого огромного успеха, главный смысл новаторства Чабукиани заключались в том, что актеру балета удалось передать не только шекспировские страсти, но и шекспировскую мысль. Известный трагик Хорава, видевший «Отелло» Чабукиани, утверждает: «Да, Отелло, которого я сыграл несколько сот раз, трагизм и любовь которого я пережил в каждом спектакле, в исполнении Чабукиани заставил и меня радоваться, и плакать, и гневаться по-новому... Да, это шекспировский Отелло».

...Когда в Тбилисском театре оперы и балета имени Палиашвили начались репетиции «Гамлета», корреспондент «Кругозора» получил задание выехать в Грузию. Так была записана наша звуковая страница.

Цена 1 руб.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

12

ЛИЛИ ИВАНОВА

Болгария

Когда Лили говорит, вас чуть удивляет детская непосредственность ее интонации. Когда поет — покоряет зрелость и женственность ее исполнения. Глубина, подчас трагизм человека, который все отдает миру, соседствует в песне с ликующей радостью рождения подлинных чувств, без которых немыслимо счастье...

Болгарская публика помнит первые выступления певицы. Медицинская сестра Лили Иванова подражала итальянке Рите Павоне. Она пела песни Павоне на болгарском языке, и в этом была вся разница между ними. Но вскоре Лили открыла свою собственную, особую, экспрессивную манеру пения.

Теперь маленькая хрупкая женщина, заслуженная артистка Болгарии известна в очень многих странах. Певицу Лили Иванову узнают сразу.

Среди ее наград — «Золотая пластинка», которая была вручена на Международном конкурсе «MIDEM» во Франции в 1969 году.

Обычно Лили поет с небольшим оркестром под управлением своего мужа Ивана Пеева, но на звуковой странице журнала ей аккомпанирует эстрадный оркестр Болгарского радио и телевидения, которым дирижирует Вилли Казасян.

Получить интервью у певицы трудно. Просто потому, что она предпочитает работать. И еще потому, что, человек добросовестный, она и в разговор с журналистами вкладывает всю свою пылкость, темперамент. А это стоит многих сил. Но есть тема, на которую Лили готова размышлять когда угодно и с нескрываемым удовольствием: о родной песне. «Я, болгарская певица, выразить себя могу лучше всего в песне Болгарии».

Пять раз гостила Лили в Советском Союзе и мечтает снова и снова встретиться с советской публикой.

Иван ГОЧЕВ,
болгарский журналист

Новые записи Лили Ивановой прислал наш корреспондент в Софии Олег Власов. Он сообщил:

— В начале года Иванова завершила работу над концертной программой. В нее вошли и песни, публикуемые «Кругозором». Певица продолжает поиски лирико-драматического репертуара.

Можно предсказать, что, когда выйдет ее новая пластинка, через два часа на дверях магазина появится надпись: «Лили няма» — «Лили нет».